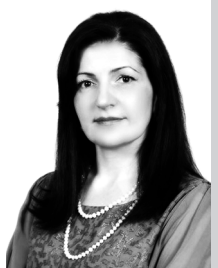

УДК 323.2

АНАЛИЗ ИСТОРИКО-ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Джантеева Джульета Солтановна,

Заведующая отделом социально-политических исследований
Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: dzhanteeva2312@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются причины и последствия включенности исторического дискурса в этнополитические коммуникации на Северном Кавказе, уделяя внимание проблемным аспектам, связанным с политизацией и этнизацией локальной истории. На основе эмпирических данных обоснована общественная потребность в распространении объективного исторического знания как основной опоры институциональной политики идентичности.

Ключевые понятия:

исторический дискурс, этнополитические коммуникации, Северный Кавказ, этнополитика, история, историческая память.

В условиях продолжающейся борьбы за историю как общенациональную культурную ценность и ключевой фактор самоидентификации современного российского общества [9], актуализируется тяготение северокавказских культур к прошлому. Это отражается в политико-коммуникативных процессах Северного Кавказа, отличающихся частым обращением их участников к истории, которая приобрела статус «политической религии» [6, с. 14, 34]. Понимая политико-идеологическую значимость «разворачивающегося во времени нарратива» [13, р. 69], акторы этнополитики используют его для укрепления этнической самоидентификации и установления власти над массовым «знанием о прошлом».

В науке существует множество теоретических подходов к определению понятия «исторический дискурс». В соответствии с концепцией О.Г. Дуки, история представляется как форма реализовавшейся действительности, вос-

принимаемой нами как объективно существующая, а история как дискурс воспринимается нами как одна из допустимых форм реализовавшейся действительности. Дискурс истории включает следующие элементы: 1) интерпретируемые события, их участники и 2) контекст, т. е. а) обстоятельства, при которых происходили события, б) фон, поясняющий события, в) оценка участников событий, г) информация, релеванная событиям. «Специфическими чертами исторического дискурса являются хронологически последовательное изложение событий, сюжетизация и драматизация изложения» [5]. Содержательный исторический дискурс включает предпосылки и последствия событий, которые в случае замалчивания профессиональными историками используются иными околонучными субъектами.

Активная «работа над прошлым» способствовала изменению политики идентичности в современной России с акцентуацией внимания на роли государства. Так, О.Ю. Малинова считает, что начавшийся в 2011–2012 гг. новый этап политики идентичности в стране характеризуется более пристальным вниманием государственной власти, которая стремится «расширить репертуар политически «пригодных» событий», что стало приобретать очевидные признаки «систематической стратегии» [7, с. 183]. Действительно, государственная власть рассматривает историко-культурное наследие как ресурс формирования и укрепления общероссийской идентичности. Начиная с предвыборной статьи В.В. Путина о «национальном вопросе» [10], в российской публичной политике заметно возросло внимание к историко-культурному аспекту эволюции российского общества.

Понимание прошлого имеет значение для формирования самоидентичности, а также – поддержания позитивной групповой идентичности. Образы прошлого определяют системы ценностей и социальное поведение людей. Поэтому коммуникатору важно знать социально-ценностную ориентацию реципиента, чтобы направлять процесс обмена информацией в нужное русло и добиваться поставленных целей. Однако на Северном Кавказе возможности политического воздействия коммуникатора на реципиента или общественное мнение ограничены культивированием в регионе определенных социальных отношений, эмоциональных состояний, атрибуций, регламентов и стереотипов. В этом контексте используются методы подсознательного стимулирования, когда в поток исторической информации внедряются принятые этническим большинством представления о прошлом, содержащие оценочные ассоциации, этнические авто- и гетеростереотипы или стандарты, что приводит к осуществлению замысла коммуникатора, направленного на получение автоматически положительной или отрицательной реакции на то или иное событие. К закрепленным на подсознательном уровне ассоциациям относятся и этнические предубеждения, провоцирующие ценностное отношение к проблеме «свои – чужие».

В контексте рассматриваемого вопроса целесообразно обратиться внимание на причины включенности дискурса о прошлом в этнополитические коммуникации Северного Кавказа. Во-первых, это обусловлено политической потребностью в выстраивании стратегий и целей, в необходимости обеспечения их поддержки со стороны влиятельных партнеров и гражданских структур, включая медиаторов, выполняющих посреднические функции между акторами публичной политики [12, с. 18]. Здесь особое значение придается историческо-

му оформлению этнических претензий на власть и повышение политического статуса этнической общности, что естественно в условиях исторически сложившейся иерархичности и конкуренции северокавказских этносов в борьбе за ограниченные ресурсы. Одновременно с этим, исторический дискурс используется для групповой солидаризации, а также артикуляции этнокультурных ценностей. Внутренняя противоречивость и несбалансированность обозначенного исторического дискурса создает возможность переориентации общественного внимания от актуальных этнополитических вопросов в конкретном регионе на аналогичные внешние проблемы более высокого порядка, затрагивающие интересы этноса. Во-вторых, исторический дискурс позволяет лоббировать этнополитические интересы и оказывать влияние на государственное управление. Обращаясь к прошлому, акторы этнополитики интерпретируют/переинтерпретируют распределение общественных благ и предлагают воплотить свои идеи в жизнь. Исторический дискурс актуализирует и механизмы традиционной народной дипломатии, способствующие достижению этнополитического консенсуса [4, с. 105], обусловленного этнополитической культурой северокавказских народов, а также тем, что политические коммуникации включают «весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое различное влияние на политику». В-третьих, исторический дискурс используется для формирования общероссийской идентичности и способствует изменению статуса исторического образования как важного фактора рационализации исторического мышления и сохранения историко-культурного наследия [17].

Тем самым, функции исторического дискурса этнополитических коммуникаций Северного Кавказа потенциально связаны с решением следующих основных задач: конструирования идентичности; защиты политических и юридических прав народов [13, с. 121]; обоснования политических амбиций этнических общностей; этнической мобилизации; формирования ценностного отношения к проблеме «свои – чужие»; репрезентации и артикуляции групповых интересов, а также сохранения историко – культурного наследия и знания о прошлом.

Особенности реализации обозначенных функций исторического дискурса зависят от региональных условий, политизации и этнизации истории. Следствием таких манипуляций являются конфликты «памятей» с участием акторов этнополитики. По мнению ряда зарубежных ученых, история включена в структуру национальной идентичности [18] и без истории невозможно существование нации. Так, Э. Дж. Хобсбаум и Дэвид Дж. Кертцер считают, что «нацию делает нацией именно прошлое», оправдывающее ее существование, а историки создают это прошлое [15, с. 3].

Репрезентацией и интерпретацией различных аспектов прошлого занимаются ученые из смежных наук и другие «исторические агенты». В этой связи следует обратить внимание на то, что не вся информация о прошлом является историческим знанием. Следует различать историческое знание, историческую информацию и данные исторического характера. В этнополитических коммуникациях Северного Кавказа используется историческая информация этнической направленности, которая способствует достижению политических целей акторами этнополитики и, как правило, отвечает информационным запросам

аудитории. Для оживления сообщений об исторических событиях используются различные приемы с включением анекдотов, мифов и легенд. При этом понятие «исторический факт» не всегда корректно применяется в сообщениях исторической направленности, где легко обнаружить его замену на востребованный «здесь и сейчас» «исторический материал». Как отмечают М. Карретеро и М. Кридджер, «конструирование исторических нарративов основано на онтологической и неисторической концепции собственного народа, что затрудняет понимание альтернативного нарратива (counternarrative) местных исторических агентов» [16]. Указанные подходы вписываются в «этнически предвзятое» историческое оценивание, связывающее историко-дискурсивную практику иноэтнических субъектов политики с заранее заданным видением и таким образом вносящее в процесс проблематизации контекста коммуникативного акта искусственно заданные переменные. В данном случае интерпретационные рамки истории ухудшают качество восприятия информации о прошлом, затрудняют поиск «исторической истины», деформируют историческое сознание и приводят к конфликту «памятей». Предвзятое использование исторических конструкций ведет к усилению этнической дистанции и межэтническому размежеванию.

Многие этнополитические конфликты в Северо-Кавказском регионе имеют исторические корни. На это указали и эксперты, принявшие участие в социологическом опросе (всего было опрошено 49 человек), который мы провели во всех субъектах РФ в СКФО в феврале 2017 года. По мнению экспертов СКФО, распространению негативной этнической информации в регионе способствуют ошибки национальной политики в советский период (42,8%). Говоря о проблемах эффективных политических коммуникаций в СКФО, эксперты выделили: фальсификацию этнической истории (55%) наряду с необъективным освещением в СМИ факторов, детерминирующих межэтнические отношения в регионе (включая историческую справедливость) (59%) и необъективную интерпретацию этнополитических событий (61,2%).

Вместе с тем, противоречивые дискурсивные практики акторов этнополитики в рассматриваемом регионе детерминированы гиперисторизмом общественного сознания северокавказских народов [2, с. 545]. Чрезмерная актуализация «ряда элементов исторического наследия» в сознании народа и акторов политического процесса [8, с. 100] синхронизирует с развитием публичной истории, которая стремится донести до широкой аудитории не столько историческое знание, сколько переосмыслить прошлое, пригодное к употреблению в настоящем и будущем. При этом внимание фокусируется на этнической составляющей. В такой ситуации нарастает межэтническое соперничество за присвоение прошлого и усиливаются попытки создать свои версии этнической истории, в том числе через стратегии актуализации «нужного» и забвения «мешающего». Поэтому в этнокультурной среде Северного Кавказа чрезвычайно сложно использовать приемы поддержания политико-коммуникативных процессов, способствующих преодолению сохраняющихся тенденций межэтнического размежевания. При этом возрастанию интереса к прошлому способствует унификация этнических культур наряду с тенденцией сокращения количества этнодифференцирующих признаков [11, с. 247]. Но и в данном случае не все так однозначно. К примеру, в последние годы заметно снизилась публичная реабилитационная деятельность репрессированных и насильственно пересе-

ленных народов Северного Кавказа, в то время как адыгские этносы проявляют активность по солидаризации вокруг темы Кавказской войны, т. к. дискурс о трагической истории обладает наибольшим мобилизационным потенциалом. Обращаясь к дискурсивной проблеме «Россия и Кавказ», М. А. Аствацатурова предлагает уделять внимание на ее сложносоставное содержание, детерминированное, прежде всего, противоречивым историческим процессом вхождения Кавказа в политико-правовое пространство России, а также многоуровневыми современными феноменами и процессами геополитической, этнополитической, этноконфессиональной природы [1].

Указанные обстоятельства объясняют и то, почему в этнополитических коммуникациях наибольшему политическому воздействию и переоценкам подвергается история Северного Кавказа Нового и Новейшего времени. С XIX века история обеспечивает социально-групповую идентификацию, а начиная с XX века, функция идентификации стала реализовываться на уровне массовых представлений о прошлом [3, с. 43]. Это означает, что профессионально подготовленная историческая информация направлена не только на распространение научного знания, но и на формирование массового «знания о прошлом», то есть, – «исторической памяти». В развитии «индустрии памяти» (Кервин Клейн) участвуют не только историки, но и политики, журналисты и другие представители интеллектуальных кругов. Поэтому опрошенные нами эксперты указали на необходимость знания истории участниками политических коммуникаций в СКФО. При ответе на вопрос «На Ваш взгляд, какими профессиональными компетенциями должны обладать основные акторы этнополитики, участвующие в политических коммуникациях СКФО?» эксперты указали, что для представителей власти на Северном Кавказе важное значение имеет «уважение к обычаям и традициям проживающих в регионе народов, толерантность» и «объективное, основанное на конкретных фактах, отношение к потребностям этнических групп». Наибольшие требования предъявляются к ученым/экспертам и журналистам, что связано с их профессиональной деятельностью и потенциальной возможностью актуализировать прошлое и «создавать историю народа». По мнению экспертов, журналисты должны изучать и знать историю и этнокультуру народов Северного Кавказа, объективно освещать мнения всех акторов этнополитики, знать обычаи «других», освещать вопросы этнополитики объективно и корректно. По мнению экспертов, исполнительная журналистика должна быть нацелена на распространение позитивных исторических примеров. Ученым и экспертам необходимо демонстрировать: «знание этнополитических процессов и возможность их прогнозирования»; «знание истории, культуры, обычаев, традиций народов»; «стремление к истине, стремление своими работами не навредить, а содействовать урегулированию конфликтных и проблемных ситуаций»; «знание объективных исторических фактов»; «умение анализировать и объективно оценивать исторические события и современное политическое состояние».

Таким образом, история Северного Кавказа становится особым типом политического продукта, активно используемым акторами этнополитики для продвижения определенных идей и достижения поставленных целей, но без учета исторической памяти они обречены стать причиной конфликтов. В северокавказском обществе есть запрос на объективное историческое знание,

которое рассматривается как основная опора институциональной политики идентичности.

1. Аствацатурова М.А. Россия и Кавказ [Электронный ресурс]. URL: http://politkavkaz.ru/expert_club/comments/the-discourse-of-russia-and-the-caucasus/ (дата обращения: 11.06.2017).

2. Герман Р.Э. Репрезентации исторического прошлого в структуре этнических идеологий Северного Кавказа // Полиэтническое общество, власть и демократия в России: Сборник статей / Под общей редакцией академика М.К. Горшкова и проф. А.-Н.З. Дибирова. Москва-Махачкала. – 2012. – 672 с.

3. Джантеева Д.С. Северный Кавказ в историческом медиадискурсе // Исторический выбор народов Кавказа – поступательное развитие в составе России: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 185-летию вхождения Карачая в состав Российского государства. 29 апреля 2014 г. / отв. ред. Джантеева Д.С. Черкесск: БИЦ СевКав-ГГТА, 2014. – 102 с.

4. Джантеева Д.С. Политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе. Карачаевск – Черкесск: КЧГУ, 2016. – 116 с.

5. Дука О.Г. Дискурс исторической науки и дискурс идентичности // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Екатеринбург. – 2005. – Вып. 5. – С. 170–172.

6. Копсов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

7. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

8. Панарин С.А. Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Политические исследования. Полис. – 2002. – № 2. – С. 100–112.

9. Петров Ю.А. История как ценность // Стратегия России. – 2016. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1470008686&archive=1472680750&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 16.07.2017).

10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Вестник российской нации. – 2012. – № 2–3 (22–23). – С. 59–65.

11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2008. – 368 с.

12. Сунгуров А.Ю. Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – № 1. – С. 8–28.

13. Халюзин В.А. Политическая жизнь традиционного северокавказского общества в контексте глобализации. М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2014. – 164 с.

14. Bell D. S.A. Mythscapes: memory, mythology, und national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. pp. 63–81.

15. Hobsbaum E.J., David J. Kertzer. Ethnicity and nationalism in Europe today. Anthropology today. 1992. Vol. 8. M1. pp. 3–8.

16. Mario Carretero, Miriam Kriger. 2011. Historical representations

and conflicts about indigenous people as national identities. *Culture & Psychology*. Vol. 17. issue: 2, pp. 177–195.

17. Tulay Ocal. 2016. Necessity of Cultural Historical Heritage Education in Social Studies Teaching. *Creative Education*. Vol. 7. No. 3. pp. 396–404.

18. Wodak R., De Cillia R., & Reisigl M. (1999). the Discursive Construction of National Identities. *Discourse and Society*. Vol. 10. pp. 149–173. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>.

References

1. Astvacaturova M.A. Rossiya i Kavkaz [E'lektronnyj resurs]. URL: http://politkavkaz.ru/expert_club/comments/the-discourse-of-russia-and-the-caucasus/ (data obrashheniya: 11.06.2017).

2. German R.E'. Rerezentacii istoricheskogo proshlogo v strukture e'tnicheskix ideologij Severnogo Kavkaza // Polie'tnichnoe obshhestvo, vlast' i demokratiya v Rossii: Sbornik statej / Pod obshej redakciej akademika M.K. Gorshkova i prof. A.-N.Z. Dibirova. Moskva-Maxachkala. – 2012. – 672 s.

3. Dzhanteeva D.S. Severnyj Kavkaz v istoricheskom mediadiskurse // Istoricheskij vybor narodov Kavkaza – postupatel'noe razvitie v sostave Rossii: materialy I Mezhdregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 185-letiyu vxozhdeniya Karachaya v sostav Rossijskogo gosudarstva. 29 aprelya 2014 g. / otv. red. Dzhanteeva D.S. Cherkessk: BIC SevKavGGTA, 2014. – 102 s.

4. Dzhanteeva D.S. Politiko-kommunikativnye processy v polie'tnichnom regione. Karachaevsk – Cherkessk: KChGU, 2016. – 116 s.

5. Duka O.G. Diskurs istoricheskoy nauki i diskurs identichnosti // Diskurs-Pi. Nauchno-prakticheskij al'manax. Ekaterinburg. – 2005. – Vyp. 5. – С. 170–172.

6. Kopusov N. Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 s.

7. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhej e'lity i dilemmy rossijskoj identichnosti. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. – 207 s.

8. Panarin S.A. Pozicionno-istoricheskie faktory kavkazskoj politiki // Politicheskie issledovaniya. Polis. – 2002. – № 2. – С. 100–112.

9. Petrov Yu.A. Istoriya kak cennost' // Strategiya Rossii. – 2016. – № 2. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1470008686&archive=1472680750&start_from=&ucat=14& (data obrashheniya: 16.07.2017).

10. Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros // Vestnik rossijskoj nacii. – 2012. – № 2–3 (22–23). – С. 59–65.

11. Stefanenko T.G. E'tnopsixologiya: Uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2008. – 368 s.

12. Sungurov A.Yu. Publichnaya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy (mirovoj i rossijskij opyt) // Publichnaya politika. – 2017. – № 1. – С. 8–28.

13. Xalyuzin V.A. Politicheskaya zhizn' tradicionnogo severokavkazskogo obshhestva v kontekste globalizacii. M.: OOO «CIUMiNL», 2014. – 164 s.

14. Bell D. S.A. Mythscapes: memory, mythology, und national identity //

British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 1. pp. 63–81.

15. Hobsbaum E.J., David J. Kertzer. Ethnicity and nationalism in Europe today. *Anthropology today*. 1992. Vol. 8. M1. pp. 3–8.

16. Mario Carretero, Miriam Kriger. 2011. Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities. *Culture & Psychology*. Vol. 17. issue: 2, pp. 177–195.

17. Tulay Ocal. 2016. Necessity of Cultural Historical Heritage Education in Social Studies Teaching. *Creative Education*. Vol. 7. No. 3. pp. 396–404.

18. Wodak R., De Cillia R., & Reisigl M. (1999). the Discursive Construction of National Identities. *Discourse and Society*. Vol. 10. pp. 149–173. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1177/0957926599010002002>.

UDC 323.2

ANALYSIS OF HISTORICAL DISCURSIVE PRACTICES OF ETHNOPOLITICAL COMMUNICATIONS IN THE NORTH CAUCASUS

Dzhanteeva Julieta Soltanovna,

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Researches,
Chief of department of socio-political researches,
Candidate of Historical Sciences,
Cherkessk, Russia,
E-mail: dchulyach@inbox.ru

Annotation

The author is analyzing the reasons and consequences of an inclusiveness of a historical discourse in ethnopolitical communications in the North Caucasus, paying attention to the problem aspects connected with politicization and ethnization of local history. On the basis of empirical data the public need for distribution of objective historical knowledge as main support of institutional policy of identity is proved.

Key concepts:

historical discourse, ethnopolitical communications, North Caucasus, ethnopolitics, history, historical memory.
